

К вопросу о доктринальном понятии имущества семейного назначения

В.А. Попов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье обосновывается необходимость использования в семейно-правовой доктрине понятия «имущество семейного назначения» для обозначения имущества родителей, объективно и устойчиво связанного с обеспечением проживания ребенка и исполнением родителями обязанностей по его содержанию и воспитанию. Показано, что сложившийся в доктрине подход, при котором имущественные отношения супругов и отношения между родителями и детьми рассматриваются отдельно, не позволяет в полной мере учесть специфику случаев, когда имущество, оставаясь в собственности одного или обоих родителей, используется для исполнения родительских обязанностей. Аргументируется, что использование термина «семейная собственность» в рассматриваемом случае представляется ошибочным, поскольку семья не выступает самостоятельным субъектом права собственности, а предлагаемая конструкция не образует нового вида вещного права. Особое внимание уделяется жилому помещению, поскольку именно в отношении этого объекта ключевое значение приобретает то обстоятельство, что его собственник одновременно является и супругом, и родителем проживающего в помещении ребенка. Делается вывод о том, что понятие «имущество семейного назначения» имеет значение как доктринальная квалифицирующая конструкция, позволяющая учитывать юридически значимые обстоятельства при разрешении семейных и жилищных споров.

Ключевые слова: имущество семейного назначения, семейная цель, жилое помещение, интересы ребенка, родительские обязанности, имущественные отношения, жилищные права.

Конституция Российской Федерации и семейное законодательство предусматривают необходимость защиты семьи, материнства и детства, а также приоритетного учета интересов ребенка [1, 3]. Конвенция о правах ребенка гарантирует право ребенка жить и воспитываться в семье [2]. Вместе с тем правовое обеспечение этих интересов осуществляется не только средствами семейного права. Как справедливо отмечает О.Ю. Ильина, семейные связи и семейные правоотношения нередко приобретают значение в сфере иного отраслевого регулирования [10, с. 7–8]. Данное наблюдение представляется особенно важным применительно к ситуациям, в которых имущество, принадлежащее родителю, используется для обеспечения основных потребностей ребенка, связанных прежде всего с его проживанием и содержанием.

В науке семейного права имущественные отношения супругов и отношения между родителями и детьми традиционно анализируются обособленно. Такой подход в целом оправдан, однако он не позволяет в полной мере описать случаи, когда принадлежность имущества одному или обоим родителям сочетается с постоянным использованием конкретного имущества в интересах ребенка. Наиболее наглядно это проявляется в отношении жилого помещения, принадлежащего одному из родителей или находящегося в общей собственности родителей, после прекращения брака либо фактического раздельного проживания супругов. В соответствующих спорах суд, в зависимости от предмета заявленных требований, устанавливает место жительства ребенка, юридические основания пользования спорным жилым помещением и наличие либо отсутствие возможности пользоваться иным жилым помещением, а также оценивает имущественное положение сторон и другие заслуживающие внимания обстоятельства [8, 11, 12]. Между тем ни конструкция общего имущества супругов, ни конструкция сохранения права пользования жилым помещением за бывшими членами семьи собственника, ни положения об имуществе ребенка сами по себе не дают единого понятия, пригодного для квалификации случаев, когда имущество остается в собственности родителя, но используется для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей [4, 15].

Именно поэтому представляется оправданным обращение к доктринальному понятию имущества семейного назначения. Использование при регулировании ранее представленной ситуации термина «семейная собственность» едва ли можно признать обоснованным. Понятие собственности в цивилистике связано с принадлежностью имущества определенному субъекту и содержанием соответствующего вещного права. Между тем семья не выступает самостоятельным субъектом права. Следовательно, речь не идет ни о новой форме собственности, ни о новом виде вещного права. Предлагаемая конструкция имеет иное назначение: она позволяет квалифицировать как имущество семейного назначения то, которое при сохранении существующего титула собственности приобретает особое юридическое значение вследствие использования его для исполнения родительских обязанностей.

В связи с этим под имуществом семейного назначения предлагается понимать принадлежащее одному или обоим родителям имущество, которое по своему объективному назначению и фактическому использованию предназначено для проживания ребенка и используется родителями при исполнении обязанностей по его содержанию и воспитанию. В таком понимании акцент переносится с вопроса о принадлежности имущества на вопрос о той роли, которую оно играет в обеспечении интересов ребенка. Тем самым разграничиваются титул

собственности на имущество и значение этого имущества для исполнения родительских обязанностей.

В научной литературе не встречается такое понятие, как «семейная цель». Представляется, что именно его необходимо использовать для характеристики рассматриваемых правоотношений применительно к имуществу семейного назначения. При этом не следует выводить семейную цель из предположительного намерения лица создать семью в будущем либо из оценочных нравственных категорий. Как показывает О.Ю. Ильина, прямое отождествление брака и семьи несвободно от внутренних противоречий, особенно в тех случаях, когда прекращение брака не означает прекращения родительских правоотношений [9, с. 207–208]. Поэтому применительно к настоящему исследованию семейную цель целесообразно понимать как обусловленную существованием семейных отношений направленность использования имущества на обеспечение проживания ребенка и исполнение родителями обязанностей по его содержанию и воспитанию. Соответственно, правовое значение имеет не мотив приобрести имущество «для будущей семьи», а использование имущества для исполнения родителями обязанностей в отношении ребенка.

По нашему мнению, основным объектом имущества семейного назначения следует признать жилое помещение. Такой выбор объясняется не только распространенностью соответствующих споров, но и нормативной определенностью самого объекта: в жилищном законодательстве используется понятие именно жилого помещения, означающее изолированное помещение, являющееся недвижимым имуществом и пригодное для постоянного проживания граждан [4]. Если в таком помещении на постоянной основе проживает ребенок, а само помещение принадлежит одному из родителей либо обоим родителям, именно здесь наиболее отчетливо проявляется семейное назначение имущества. При этом значение имеет не формальное наличие либо отсутствие брака, а существование родительских правоотношений и обязанности обеспечить ребенку место проживания и необходимое содержание.

Можно возразить, что действующее законодательство уже содержит достаточно норм (материального и процессуального) права, направленных на обеспечение учета интересов ребенка. Действительно, закон допускает отступление от начала равенства долей супругов с учетом интересов несовершеннолетних [3], а Верховный Суд Российской Федерации указывает, что наличие общего ребенка само по себе не образует безусловного основания для такого отступления [16]. Жилищное законодательство, в свою очередь, определяет права членов семьи собственника жилого помещения и бывших членов его семьи [4, 15]. Однако названные положения регулируют лишь отдельные аспекты учета интересов ребенка и не формируют общего понятия, пригодного

для квалификации случаев, когда имущество родителя приобретает особое значение вследствие его использования для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей. Следовательно, речь идет не о подмене действующих норм, а о доктринальном инструменте, позволяющем согласованно интерпретировать их на стыке семейного, жилищного и гражданского права.

Признание жилого помещения имуществом семейного назначения не означает автоматического ограничения правомочий собственника. Было бы ошибкой усматривать в предлагаемой конструкции попытку трансформировать титул собственности либо установить новый правовой режим имущества. Ее назначение состоит в ином: понятийно зафиксировать такое юридически значимое качество объекта, как его устойчивая связь с проживанием ребенка и исполнением родительских обязанностей. Именно поэтому соответствующая квалификация может иметь значение при определении порядка пользования жилым помещением, при применении положений о сохранении на определенный срок права пользования жилым помещением за бывшим членом семьи собственника, а также при разделе общего имущества супругов, если спор затрагивает интересы ребенка.

Показательно, что и судебная практика, хотя и не оперирует предлагаемым понятием, фактически исходит из схожей логики. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 03.11.2006 г. № 455-О подчеркнута, что регулирование права собственности на жилое помещение и жилищных прав проживающих в нем лиц должно осуществляться на основе баланса интересов всех участников соответствующих правоотношений и с учетом конкретных обстоятельств дела [14]. Для целей настоящего исследования это означает, что объектом судебной оценки становится не только титул собственника, но и реальное использование жилого помещения для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей.

Дальнейшее развитие эта правовая позиция получила в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2010 г. № 13-П, где была подчеркнута необходимость эффективной, в том числе судебной, защиты прав тех несовершеннолетних, чьи жилищные права и законные интересы затрагиваются отчуждением жилого помещения, даже если они формально не относятся к специально названным законом категориям детей [13]. Принципиально важно, что юридическое значение здесь придается не столько самостоятельному вещному титулу ребенка, сколько его жилищным правам и законным интересам, которые затрагиваются вследствие использования либо отчуждения соответствующего объекта.

Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации также подтверждают, что при разрешении жилищных споров суды вынуждены

учитывать значение жилого помещения для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей. Исходя из ч. 4 ст. 31 Жилищного кодекса РФ и соответствующих разъяснений из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 г. № 14, при решении вопроса о сохранении права пользования жилым помещением за бывшим членом семьи собственника подлежат оценке наличие либо отсутствие иных оснований пользования другим жилым помещением, имущественное положение лица и иные заслуживающие внимания обстоятельства; кроме того, суд вправе поставить вопрос об обязанности собственника обеспечить другим жилым помещением лиц, в пользу которых он исполняет алиментные обязательства [15]. В обзорах судебной практики Верховный Суд обращает внимание и на необходимость выяснения причин выезда из жилого помещения, продолжительности отсутствия, наличия препятствий в пользовании и приобретения права на иное жилье [16, 17]. Если же в центре спора находится ребенок, перечисленные критерии неизбежно приобретают семейно-правовое значение: оценивается роль конкретного жилого помещения в обеспечении ребенку постоянного места проживания.

Обращение к сравнительно-правовому анализу показывает, что выделение семейной функции имущества вовсе не требует признания семьи самостоятельным субъектом права. Так, французский гражданский кодекс защищает «logement de la famille»¹, не допуская без согласия другого супруга распоряжаться правами в отношении жилого помещения, в котором проживает семья [5]. Германское гражданское уложение использует конструкцию «Ehewohnung»²: как при раздельном проживании супругов, так и при разводе вопрос о предоставлении семейного жилья одному из них решается с учетом интересов детей и требований справедливости [6, 7]. Эти примеры важны не как образец для прямого заимствования, а как подтверждение общего вывода: нормативно можно придавать имуществу специальное юридическое значение вследствие его семейной функции, не превращая его в «семейную собственность» в вещно-правовом смысле.

Вместе с тем далеко не любая вещь, имеющая значение для семейной жизни, должна квалифицироваться как имущество семейного назначения. Для такой квалификации необходима совокупность признаков: принадлежность имущества одному или обоим родителям на законных основаниях; непосредственная связь его назначения либо фактического использования с обеспечением проживания ребенка и исполнением родительских обязанностей; неэпизодический характер такой связи; сохранение значения соответствующего имущества для реализации родительских обязанностей независимо от того, состоят ли

¹ Перевод с французского: «семейное жилье».

² Перевод с немецкого: «супружеский дом».

родители в браке между собой на момент разрешения спора. Подобный подход позволяет избежать неоправданного расширения предлагаемого понятия и распространения его на всю имущественную массу родителей.

Таким образом, действующее законодательство не содержит специального понятия, позволяющего определить имущество родителей, которое, оставаясь в их собственности, объективно и устойчиво используется для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей; вместе с тем судебная практика уже фактически исходит из необходимости учитывать особую семейную функцию такого имущества. Использование только конструкций общего имущества супругов, имущества ребенка и прав членов семьи собственника не позволяет в полной мере охватить подобные случаи, поскольку каждая из названных моделей фиксирует лишь отдельный аспект проблемы. В связи с этим в семейно-правовой доктрине обоснованно использование понятия имущества семейного назначения. Данное понятие не образует нового вида права собственности и не претендует на формирование самостоятельного вещно-правового режима; его смысл состоит в доктринальной квалификации имущества, значение которого для проживания ребенка и исполнения родительских обязанностей должно учитываться при правовой оценке спорной ситуации. Именно в этом, на наш взгляд, заключаются его научный потенциал и практическая ценность.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20.11.1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.
5. Code civil. Article 215 // Légifrance [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000006422766 (дата обращения: 13.04.2026).
6. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). § 1361b. Ehwohnung bei Getrenntleben // Gesetze im Internet [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__1361b.html (дата обращения: 13.04.2026).
7. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). § 1568a. Ehwohnung // Gesetze im Internet [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__1568a.html (дата обращения: 13.04.2026).

8. Емелина Л.А., Яворский С.А. Механизмы защиты имущественных прав ребенка и матери при разводе: правовой анализ // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (81). С. 43–53.

9. Ильина О.Ю. Заключение брака и цель создания семьи: несовпадение предполагаемого // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 204–212.

10. Ильина О.Ю. Семейные отношения и семейные правоотношения как предмет иного отраслевого регулирования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 1 (65). С. 7–15.

11. Леканова Е.Е. Спор об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 1. С. 88–101.

12. Халилов Д.И. К вопросу о проблемах правового регулирования соглашения об осуществлении родительских прав // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 14–17.

13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.06.2010 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 25. Ст. 3246.

14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.11.2006 г. № 455-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 2.

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 г. № 14 (ред. от 09.12.2025) «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

17. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за январь–июль 2014 года, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 01.09.2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

ПОПОВ Всеволод Александрович – аспирант 2 курса направления подготовки 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки», ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: popow.seva2012@gmail.com

On the doctrinal concept of property for family purposes

V.A. Popov

Tver State University, Tver

The article substantiates the need to use in the family law doctrine the concept of “property for family purposes” to designate the property of parents that is objectively and stably connected with ensuring the child’s residence and with the fulfilment by parents of their duties of maintenance and upbringing. It is shown that the approach established in the doctrine, under which property relations between spouses and relations between parents and children are considered separately, does not fully take into account the specifics of cases in which property, while remaining in the ownership of one or both parents, is

used for the fulfilment of parental duties. It is argued that the use of the term “family property” in this case appears to be erroneous, since the family is not an independent subject of property rights, and the proposed construction does not constitute a new type of real right. Special attention is paid to residential premises, since it is precisely in relation to this object that the circumstance that its owner is simultaneously both a spouse and a parent of the child living in the premises acquires key significance. It is concluded that the concept of “property for family purposes” is important as a doctrinal qualifying construction that makes it possible to take into account legally significant circumstances when resolving family and housing disputes.

Keywords: *property for family purposes, family purpose, residential premises, interests of the child, parental duties, property relations, housing rights.*

About author:

ПОПОВ Vsevolod – 2nd year postgraduate student in the field of training 5.1.3. “Private law (civilistic) sciences”, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: popov.seva2012@gmail.com

Попов В.А. К вопросу о доктринальном понятии имущества семейного назначения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 2 (86). С. 209–216.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026 г.

Подписана в печать 10.06.2026 г.